

СВЕДЕНИЯ ТУРЕЦКОГО ЭТНОГРАФА Я. КАЛАФАТА О НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЯХ САРЫКАМЫШСКИХ ОСЕТИН

Г. В. ЧОЧИЕВ,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник СОИГСИ

Представленный ниже фрагмент полевых исследований известного турецкого этнолога и фольклориста Яшара Калафата был впервые опубликован в 1998 году в издаваемом в Стамбуле журнале «Бирлешик Кафкасыя» («Объединенный Кавказ»). Ценность данного материала для нас определяется прежде всего тем обстоятельством, что он является одним из крайне немногочисленных документальных свидетельств, характеризующих, пусть и весьма односторонне и поверхностно, этнокультурный облик сарыкамышских осетин — в недавнем прошлом наиболее значительной локальной группы осетинской диаспоры на территории Турции.

Округ Сарыкамыш, находящийся в высокогорной и относительно слабо населенной местности в провинции Карс на северо-востоке страны, в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века стал второй родиной для приблизительно 3-4 тысяч осетинских мухаджиров, которыми здесь было основано более десятка достаточно компактно

расположенных сел. Тогда же в округе расселилось некоторое число выходцев из Дагестана, Чечни и Кабарды. Судя по имеющимся сведениям, осетинские поселенцы в Сарыкамыше с самого начала образовали довольно замкнутое сообщество с невысоким уровнем социокультурного взаимодействия с окружающим тюркским, курдским, армянским и иным населением, поддерживая сравнительно тесные контакты преимущественно с северокавказскими по происхождению группами¹. Важно отметить, что в 1878–1918 годах, когда регион был аннексирован Россией, оставшиеся в Сарыкамыше осетины имели возможность поддерживать определенные связи со своей этнической родиной и материнским этносом. Впрочем, подавляющее большинство местного осетинского населения в этот период мигрировало в глубь османской территории, в основном в восточно-анатолийские провинции Муш, Битлис и Ван, откуда часть его уже в 20-е годы XX века была возвращена турецкими властями обратно.

Несмотря на то, что после провозглашения в 1923 году Турецкой Республики проживающие в стране меньшинства стали подвергаться целенаправленному отуречиванию, воздействие этой политики на обитателей географически изолированных поселений северокавказцев в Сарыкамыше было относительно невелико. Согласно неофициальным подсчетам экспертов «Анкарского северокавказского культурного общества», в начале 70-х годов XX века только в сельской местности провинции Карс, главным образом в округе Сарыкамыш, насчитывалось не менее 4.330 осетин, групповая идентичность которых базировалась на четком осознании общности своего происхождения и факте их культурной и языковой «особости» в данном регионе; из прочих северокавказских групп здесь в это время оставалось около 300 дагестанцев². Такое положение в целом сохранялось примерно до начала 80-х годов. Однако в течение двух последних десятилетий XX века интенсивные процессы внутренней миграции и урбанизации привели к почти полному перемещению северокавказского элемента не только Карса, но и всей Восточной Турции в экономически более развитые западные и центральные области государства. В результате сегодня представители прекратившей свое существование диаспорной общины сарыкамышских осетин разбросаны едва ли не по всем крупным турецким городам, где их окончательная ассимиляция является вопросом времени.

Автор публикуемого материала, Я. Калафат, сам родившийся в 1939 году в провинции Карс и проведший там значительную часть жизни, по всей

видимости, осуществлял свои полевые наблюдения в Сарыкамыше в десятилетия, предшествовавшие массовому исходу северокавказцев из региона. Можно предположить, что к тому времени некоторые из зафиксированных им обычаев и верований уже перестали реально бытовать в обиходе местных жителей и были сообщены ему информаторами, помнившими традиции более раннего периода. С другой стороны, принимая во внимание явно недостаточную осведомленность Я. Калафата в кавказской этнонимии и проистекающую отсюда путаницу в характеристике им этнической и субэтнической принадлежности описываемого населения (явление, присущее едва ли не всей турецкой кавказоведческой литературе), нельзя исключать, что какая-то часть приводимых в статье свидетельств имеет отношение не к осетинам (или не только к осетинам), а к другим, соседним северокавказским группам. Впрочем, наличествующие в тексте некоторые лингвистические и этнокультурные детали вполне определенно указывают на то, что объектом исследовательского интереса Я. Калафата являлись прежде всего и главным образом жители местных осетинских сел.

Оставляя на суд заинтересованных специалистов переведенный нами с турецкого языка без каких-либо изменений фрагмент, заметим лишь, что он позволяет восполнить, хоть и в очень незначительной степени, очевидный пробел в отечественном осетиноведении — неизученность языка, культуры и иных аспектов этнического профиля осетинской диаспоры в странах Ближнего Востока.

1. Подробнее о миграции осетин и других северокавказцев в район Сарыкамыш — Карса и процессе их адаптации см.: Тотоев М.С. К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859–1865) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау, 1948; Т. XIII. Вып. I. Чочиев Г.В. Северокавказские этнические группы в Восточной Анатолии: расселение и проблемы социальной адаптации (2-я половина XIX — XX в.) // Вестник Института цивилизации. Владикавказ, 2000. Вып. 3.

2. İ. Aydemir. Türkiye Çerkesleri // Kafkasya. № 47. Ankara, 1975. Сс. 39-48; P. A. Andrews (ed.). Ethnic Groups in the Republic of Turkey. Wiesbaden, 1989. Сс. 126, 201.

КАВКАЗСКИЕ НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ В САРЫКАМЫШЕ¹

доктор ЯШАР КАЛАФАТ

Округ Сарыкамыш в нашей недавней истории неоднократно принимал волны иммигрантов. Они селились главным образом в таких селах, как собственно Сарыкамыш, Верхний Сарыкамыш, Бозат, Хамамлы, Енигази² и др.

Кавказские переселенцы состояли в основном из адыгов, лезгин, чеченцев и карачаевцев. Численно преобладали адыги, подразделявшиеся на племена ирон и дигорон. Местное население, однако, называло всех кавказцев черкесами. Вследствие происходящих сегодня в стране миграционных сдвигов кавказцы переселялись в Стамбул, Анкару, Бурсу и другие крупные города, и в настоящее время в упомянутом районе осталось всего несколько кавказских семей.

Цель этого нашего беспретенциозного очерка состоит в том, чтобы зафиксировать для исследователей собранные нами сведения о кавказских народных верованиях.

Среди проживающих в Сарыкамыше кавказцев существует поверье, что мальчик, сумевший проскочить под радугой, может превратиться в девочку и, наоборот, девочка — в мальчика.

Согласно обычаю имянаречения местных кавказцев, имя ребенку дают его бабушка и дедушка. Попытки матери и отца взять на себя инициативу в этом вопросе строго порицаются. Наречь именем ребенка могут предложить и третьему лицу, которое считается удостоившимся чести выполнить эту почетную миссию, поскольку до тех пор,

пока будет жить ребенок, будет жива и память о пожилом человеке, давшем ему имя. Старший член семьи, нарекший ребенка именем, покупает ему в подарок какую-либо одежду.

Если получивший имя ребенок является первым внуком своего деда, то дед дарит ему барана или овцу, которой внук касается рукой при своем первом после имянаречения выходе за порог дома.

У кавказцев существуют верования, связанные с их знаменитыми пирогами — валибахами. Во время торжеств по случаю рождения ребенка и свадеб на столы подают по три валибаха, а во время поминок — по четыре.

До церемонии имянаречения ребенку в правое ухо читается азан. По случаю наречения именем мальчика режут барана и приглашают близких.

Семья, в которой имеется выживший новорожденный ребенок, просит для него у многодетной семьи какую-либо детскую одежду или люльку. Кроме того, детям дают такие имена, как Цара («Пусть живет»), Царай («Живи») и т.п.

У кавказцев невестку до того, как она станет матерью, усаживают особым образом, чтобы никто не заметил ее беременности прежде, чем родится ребенок. Это вопрос уважения и приличия.

Беременная женщина не ест кушаний из бараньих ножек, так как считается, что в противном случае она может родить слянявого ребенка.

С целью обеспечения долголетия родившегося ребенка его семья режет для него, особенно если это мальчик, барана. Верят, что принесенный в жертву баран будет оберегать ребенка.

Большое значение придается первой стрижке волос и первому появившемуся зубу ребенка. Когда у ребенка выпадает молочный зуб, он бросает его на крышу, говоря: «На тебе мой гнилой зуб, дай мне здоровый зуб!»

Если новолуние приходится на четверг, молодежь в этот день пытается при помощи специального обряда узнать свое будущее. Для этого требуются зеркало, немного очажной золы и миска с водой. Стремящаяся узнать свою судьбу девушка поворачивает лицо к миске и, не мигая, смотрит в воду, после чего старается истолковать увиденное. Если в миске появится изображение могилы, это, по поверью, означает, что девушке суждено выйти замуж в качестве второй жены.

На день Хызыр-Ильяса³ едят соленый хлеб и ложатся спать, не выпив воды. Верят, что девушка выйдет замуж за того, кто ей во сне даст воду.

Невесту не сажают верхом на лошадь. В дом жениха ее доставляют не на лошади, а в повозке⁴. Лишь в случае необходимости она может сесть на лошадь «бокком» (по-женски). Похищение или бегство девушки из дома считается крайне постыдным. Ни одна девушка не желает быть похищенной. Похищение девушки может стать причиной убийства. Похитивший девушку и получивший прощение зять обязательно подвергается серьезному наказанию.

Супруги до самой смерти не произносят имен друг друга. Муж называет жену «хозяйкой дома». Брать калым не принято. У приехавших просить руки девушки требуют «деньги за молоко» или «вознаграждение за молоко», которое отдают матери девушки. В ответ

мать девушки говорит: «Да пойдет мое молоко впрок!»

Семья невесты посылает в дом жениха со вкусом вышитую и украшенную «подушку радостной вести». Ее доставляют, соревнуясь друг с другом в пути, молодыепарни-наездники. Прибывший первым в дом жениха получает из рук пожилых женщин три валибаха и кувшин с бузой⁵. На шею его лошади повязывается шарф.

Семья жениха готовит на свадьбе турусу, являющуюся своего рода знаменем или штандартом. Туруса делается из ветвистого дерева, к которому привязываются фрукты и конфеты. Она посылается в дом невесты.

Невеста переступает порог дома жениха, ведомая под руки подружкой и шафером. Появление при этом самого жениха считается постыдным. Свекровь встречает их с чашей с медом и своим пальцем кладет в рот невесте немного меда. Невестка в течение трех дней не выходит из своей комнаты. По прошествии этого срока свекровь и свекор устраивают при помощи своих дочерей угощение. Перед застольем невестку в ее свадебном наряде ведут на кухню. Кто-либо из пожилых женщин снимает с ее головы фату, которая надевается на голову свекрови. Этим как бы хотят сказать: «Будь и ты такой же щедрой!» Исполняются веселые песни, свекровь заставляют плясать.

По пути из дома невесты в дом жениха палят из оружия. Невеста каждому принесшему подарок представителю семьи жениха «выдает узел», пока полностью не опустеет ее сундучок для приданого. Невесту встречают с Кораном и зеркалом. Кроме того, при-

шедшие повидать невесту обязательно приносят ей подарки. Она в ответ также что-нибудь им дарит.

Подружка невесты является ее сестрой и в радости, и в горе. Когда подружка выводит невесту, она говорит ей: «Я твоя сестра и в этом, и в том мире». Пока они живы, между ними не бывает тайн. Подружка невесты обязательно должна быть незамужней. Невеста свою фату дарит подружке.

Везущей невесту процессии преграждают путь, требуя подарков. Когда достается сундучок невесты, кто-нибудь из представителей ее стороны садится на него. Чтобы он встал с сундучка, ему делают подарок.

Сторона жениха совершает символическую кражу из дома невесты каких-либо вещей. Это могут быть тарелка, ложка или что-нибудь подобное. Их ударяют друг о друга, чтобы они издавали звук, и говорят: «Вот что мы украли».

Прежде чем невеста переступит порог своего нового дома, перед ее ногами режут жертвенное животное, и помогают невесте перепрыгнуть через него. Верят, что это принесет счастье.

Кавказцы придают большое значение соблюдению традиций. Невестка не может разговаривать, пока не получит разрешение от старших. Для объявления этого разрешения устраивается угощение, на которое приглашаются соседи и знакомые.

Кроме этого, далеко не каждый возникший в селе между соседями конфликт передается на рассмотрение властей. Споры разрешает состоящий из старейшин совет, решения которого не могут быть опротестованы.

У кавказцев покойника не выносят наружу на всеобщее обозрение. В одной из частей комнаты на разложенных на полу циновках расстилается постель, на которой укладывается покойный. Вокруг него кладутся его личные вещи и одежда. Также вокруг покойного и на стенах развешивается принадлежавшее ему оружие. В этой комнате находятся лишь члены семьи и родственники умершего. Его вдова стоит у дверей комнаты. Со всех четырех сторон от покойного сидят девушки и молодые женщины. Мужчины находятся снаружи. Вместе с входящими с плачем в комнату людьми начинают рыдать и женщины. Вошедший внутрь мужчина поднимает руки к своим глазам. Приблизившись к ложу покойного, он опускается на колени и прикладывает лоб к краю постели. Девушки поднимают его на ноги. Имам произносит молитву-соболезнование. Слушающие ее подносят левые руки к мочкам ушей. Правую руку нельзя поднимать, так как, по существующему представлению, «правая рука предназначена для счастья». Молятся о терпении и божьем прощении для покойного. Вещи умершего раздают людям. Однако его оружие и коня не отдают и хранят. Лошадь в течение шести месяцев не выводят из стойла. Все это время за ней особо заботливо ухаживают.

В комнате, где находился покойник, на протяжении сорока дней держат сосуд с водой, которую меняют каждый день. Лампу в этой комнате не зажигают. На месте, где лежал покойник, кладут камень. Этим как бы хотят сказать: «Оставайся на своем месте!» На покойника кладут нож, ножницы и зеркало.

О сороковом дне округе сообщают

через посредство детей. В этот день всех детей созывают на кладбище и угощают их приготовленными кушаньями, sherbetom, фруктами и сладостями.

О чьей-либо смерти окрестные села извещают с помощью конных гонцов. До села всадник мчится во весь опор, но, въехав в него, он спешивается и ведет лошадь под уздцы до дома, которому он должен объявить печальную весть. Сообщая ее, он стоит слева от коня, приняв строевую стойку. Из села всадник удаляется с почтительностью.

Вплоть до седьмого дня после смерти ежедневно прочитывается от начала до конца Коран, а на седьмой день читается еще и хатим⁶. В дом покойного каждый день кто-либо из соседей приносит еду в течение сорока дней. От имени умершего человека можно совершить хадж, но нельзя от его лица совершать намаз. Халва в память покойного готовится непосредственно после смерти, на годовщину и на пятничные вечера.

Женщины не ходят на кладбище вместе с процессией. Пожилые женщины могут посещать кладбище по пятницам.

Допускается брак с вдовой старшего брата. В течение сорокадневного периода траура нельзя менять одежду. Ее стирают по ночам, чтобы снова одеть наутро. На годовщину смерти молодого отца у его дочери-девицы отрезаются волосы и в сплетенном виде обвязываются вокруг ее запястья.

Если мать, раздавая что-либо своим детям, случайно забудет и пропустит кого-то из них, она говорит: «Пусть болезнь забудет тебя!»

С целью снятия заговора по всем правилам читают Ясин⁷ куску мыла, который затем выбрасывают в речку. Согласно поверью, по мере таяния этого куска мыла будет ослабевать и действие заговора.

Для избавления от появившихся на руках и ногах бородавок заговаривают три ячменных зерна и зарывают их в землю. Верят, что когда эти зерна начнут гнить, исчезнут и бородавки.

Чтобы волки не съели потерявшуюся в горах скотину, совершают обряд «завязывания волчьей пасти».

По поверью, сова и черная лиса приносят несчастье. Если же утром встретится человек с полными руками или водовоз с полными ведрами, то это, как полагают, к удаче.

Увидевший новую луну произносит известные ему молитвы, смотрит на золотое кольцо на своем пальце и молится за свою семью, соседей и народ. Когда сверкает первая молния и гремит первый гром, за порог выставляют какой-нибудь железный предмет и прыгают через него взад и вперед. Этот предмет прикладывают к зубам и голове, говоря: «Пусть мои зубы будут такими же крепкими, как это железо! Пусть моя голова будет такой же прочной, как это железо!» Для совершения молитвы о дожде поднимаются

к зияретам⁸ Акбаба-Тепеси и Ялныз-Чам.

Существуют обряды и для обеспечения изобилия. Если в доме режут барана, его шейный хрящ бросают вверх так, чтобы он приклеился к потолку. Верят, что от этого возрастает благосостояние в семье. В голодные дни принято проявлять особую заботу о бедных. Бедняки ходят от дома к дому с религиозными песнопениями.

Есть верования и обряды, связанные с поиском потерянных вещей. С этой целью производят символическое завязывание ноги дьявола. К ножке стола привязывают кусок материи и говорят: «Если не найду мою пропажу, не отпускай тебя». Когда вещь находится, повязку снимают.

Для несъедобных частей жертвенного животного выкапывают яму, в нее сливают кровь и складывают кости жертвы, а затем засыпают землей.

На новый год, чтобы выявить самого удачливого, пекут лепешки с вложенными в них монетами.

Ножи и ножницы нельзя передавать из рук в руки. Если все же приходится это делать, то говорят «тьфу, тьфу, тьфу!» и берут их тыльной стороной ладони. В доме нельзя звенеть ножницами или ножом. Ночью нельзя смотреть в зеркало. ... [На этом опубликованный текст прерывается].

1. Yaşar Kalafat. Sarıkamış'ta Kafkas Halk İnanışları // «Birleşik Kafkasya». №13. İstanbul, 1998. С. 16-19.

2. По информации, переданной нам в 1996–1997 годах проживавшими в Анкаре выходцами из указанного региона (Цъæхилты Яхья Алпай, Хосонты Селяхаттин Огюн, Хъуыбадты Айтек Кубат и др.), в административном центре округа — поселке Сарыкамыш (или Нижний Сарыкамыш) — в прошлом имелся значительный осетинский квартал, однако он перестал существовать еще в период русской оккупации в конце XIX века. Села Верхний Сарыкамыш и Бозат вплоть до конца 70-х — начала 80-х годов XX столетия сохраняли почти исключительно осетинское, иронское, население. В Хамамлы проживали

осетины-дигорцы совместно с поселившимися там позднее лакцами. Енигази же представляло собой лакское село. Кроме перечисленных населенных пунктов, в регионе в это время имелся еще ряд поселений осетин и дагестанцев (здесь и далее примечания наши. — Г.Ч.).

3. Хызыр-Ильяс (Хыдреллез) — мусульманское имя Ильи-пророка. Народный праздник в его честь отмечается в сельской местности Турции 6 мая и знаменует собой начало лета.

4. На турецких свадьбах, напротив, принято везти невесту в дом жениха верхом на лошади.

5. Буза (боза) — распространенный в Турции безалкогольный или слабоалкогольный напиток из проса или ячменя, по виду и вкусу напоминающий традиционное осетинское пиво.

6. Хатим — молитва, которую произносят после прочтения до конца Корана.

7. Ясин — 36-я сура Корана.

8. Зиярет — место паломничества и поклонения, обычно могила какого-либо мусульманского угодника.